

НА КАЗАЧЬЕМ ПОСТУ

Двухнедельный общеказачий журнал

№ 18

15 января 1944 года

№ 18

Казак, взгляни, с какою силой
Гремит над родиной гроза.

Пора, мой сокол, сизокрылый,
Расправь крылья в небеса.

Адрес редакции: „Kosakenposten“ F.P. Nr. 02306

Присяга

В Н-ой сотне 1-го Казачьего полка РОК наступило заметное оживление.

Стало известно, что через 5—6 дней будем присягать Верховному Вождю славной Германской и союзных с ней армий, борющихся против жидо-коммунизма, Адольфу Гитлеру.

У штаба сотни расчищаются и усыпаются щебнем дорожки.

У нового барака, фасад которого декорирован зелеными конусами можжевельника, разбиваются клумбы и сразу же засаживаются желтыми петушками, розовыми маргаритками и зелеными кустиками скромных фиалок.

Края этих клумб обкладываются брусками свежесрезанного дерева и украшаются незатейливым, но красивым узором дугообразно согнутых прутьев.

Точно перед серединой главной линейки, в небольшом круге — художественно исполненная эмблема гигантской борьбы национал-социализма с коммунизмом во имя свободной жизни народов — взаимно переплетающиеся Свастика и Виктория.

Над ней, на стене фасада, в гирлянде из лавра — большой железный крест.

На расположенных по склонам гор бункерах и в резерве сотни усиленным темпом ведутся строевые занятия.

По случаю предстоящего воинского торжества, отшлифовывается все то, чему обучались раньше: повороты, стойка, ружейные приемы и шаг.

Необходимо ведь подготовиться всесторонне к знаменательному дню, чтобы «не ударить лицом в грязь» и поддержать славу Шмелевской, чтобы не отстать от других сотен полка и возможно достойнее представиться перед командиром полка и официальными представителями Германского командования.

Вся эта спешная подготовка происходит при весьма благоприятной погоде.

Тепло и ласково улыбается ясное солнце...

С каждым днем склоны окружающих гор все обильнее украшаются белыми букетами расцветающих слив и черешень.

Весна все яростнее и тверже вступает в свои права...

Люди радовались хорошей, теплой погоде, но, к сожалению она скоро изменила.

Вершины гор скрылись в нависшем тумане, небо заволжлось грязно-серыми тучами и полил холодный дождь. С небольшими перерывами, то усиливаясь, то уменьшаясь он шел все время, — однако, несмотря на ненастье, намеченная программа ничуть не нарушилась.

Вот и назначенный день...

Ранний подъем, приведение всего в надлежащий порядок, легкий завтрак «на скорую руку» и — «сбор».

К 8-ми часам утра, не взирая на непрекращающийся дождь, сотня во главе со своим командиром и офицерами выстроилась на небольшом плацу перед красиво декорированной лавровыми ветками и германским флагом, трибуной.

По обе стороны от нее были установлены по одной пушке и пирамиды из ружей.

Так, не смущаясь дождем, под порывами холодного ветра, тщательно выравнившаяся сотня, ожидала прибытия высшего начальства.

В серьезной сосредоточенности свежесмытых лиц казаков отражались духовная приподнятость и любопытно-нетерпеливое ожидание присяги.

Вот на грузовом автомобиле приехал хор полковых трубачей.

На правом фланге собрались командир и все офицеры немецкого батальона.

Наконец, еще через некоторое время, подкатили серые автомобили командиров нашего 1-го и немецкого Н-ого германского полков.

По энергичной, отчетливой, команде командира сотни строй подобрался и замер в неподвижной позе воинского приветствия.

Под звуки встречного марша командир гренадерского полка полковник М. бодро-быстрым шагом обошел строй и громко — на русском языке поздоровался с казаками.

После этого приступили к присяге...

По соответствующей команде, четыре сотенных ассистента заняли свои места у орудий...

На трибуну, для прочтения текста присяги, взошли состоящий при полку немецкий лейтенант и полковой переводчик.

При абсолютной тишине, в напряженной обстановке наивысшей торжественности, зазвучали слова присяги... и вся сотня казаков, имея впереди строя любимого своего командира полковника А. И. Шмелева, с молитвенно поднятыми руками, громко и внятно начала повторять торжественно-знаменательные слова святой воинской Клятвы.

Это был незабываемый, величественный момент, напоминавший каждому из нас о былой мощи, неуязвимой славе и священных традициях старой армии.

Верные чести своих дедов и отцов, а также своему сыновнему долгу перед распятой жидами Отчиной, — много пережившие и повидавшие на своем веку, казаки чистосердечно клялись в безграничной верности Адольфу Гитлеру, беспрекословном повиновении его воле и в самоотверженной готовности отдать во имя многострадальной Родины нашей свою жизнь, — если это потребует.

Присяга положена...

Подполковник М., как представитель германского командования, произнес с трибуны подходящую для случая, краткую, но сильную, содержательную и памятную для каждого речь.

В своем строго обдуманном слове он отметил глубокое значение и важность переживаемого момента.

Он подчеркнул, что после акта присяги все мы включаемся в великую семью славной Германской армии со всеми связанными с этим правами и преимуществами. И что при всех обстоятельствах жизни, в мирной-ли обстановке или в бою, обязаны охранять, поддерживать и высоко чтить ее старые традиции, доблесть и честь.

Мы должны верить, верить непоколебимо и деятельно, что наш народ опираясь на помощь славной Германской

армии сбросит с себя позорное иго жидо-коммунизма. Основанием для такой веры является все растущее на нашей Родине освободительное движение.

В заключение своей речи полковник М. сказал: «получаемые вами права неразрывны с огромной ответственностью и большими обязанностями».

Борьба с мировым злом — коммунизмом и поддерживающими его темными силами жидо-масонства еще далеко не закончена и что, кто знает? — В будущем нам предстоит более красноречиво, может быть своею кровью, доказать достоинство и право называться солдатом Германского Вермахта.

После речи полковника М. трубачи сыграли «Коль Славен»... благоговейно прослушанный...

Стройным церемониальным маршем воинский праздник духа был закончен.

А после всего, в помещении сотни был устроен общий обед, на котором под звуки военной музыки, за рюмкой

вина, в дружной, сплоченной семье казаки делились своими мыслями и впечатлениями.

В числе гостей на сотенном обеде, вместе с командиром сотни — полковником Шмелевым, как уполномоченный представитель германского командования, присутствовал, пользующийся у казаков большой и искренней симпатией командир немецкой роты гауптман К...

Он выразил свое восхищение всем виденным и пожелал, чтобы под командой своего славного командира воинский путь сотни и впредь был бы увенчан лаврами первенства и успеха.

Этот памятный день был закончен отлично выполненной программой русской театральной труппы под названием «Веселый бункер», неустанно обвешивающий расположения полков РОК-а.

А на следующий день, — в 5 ч. утра сотня выступила в поход.

Дим. Печ.

За казачью волю

Из двадцати трех лет жизни солдата, лейтенант К. двадцать один год был в Советской армии. Постепенно из простых рекрутов, повышаясь в чинах, К. попадает в Военную академию в Москве, где он усердно изучает военные науки под руководством лучших военных профессоров.

По окончании академии в чине майора К. получает назначение первым офицером Генерального штаба одной Кавалерийской дивизии. Но в один роковой для К. день, штаб дивизии разоблачает то, что К. в течение многих лет тщательно скрывал — свое казачье происхождение.

Казаков Советское военное командование не любит, их старинных воинских традиций и доблести боится, несколько ими не дорожит и не терпит их в Генеральном штабе Советской армии. Майор К., отец которого донской казак, а мать из рода запорожских казаков, был вычеркнут из списка офицеров Генерального штаба и назначается командиром Казачьего полка, во главе которого в 1939-м году участвует в наступлении на Польшу, а потом делает зимнюю кампанию против Финляндии.

В течение этого зимнего периода майор К. впервые начинает критиковать систему военного руководства своей страны, сравнивая ее с мастерской тактикой финнов, их сверхчеловеческой выносливостью, благодаря которым они причинили столько потерь большевистскому коллосу, хотя принудившему финнов заключить мир, но этот мир ничего существенного не дал большевикам.

Критикуя и систему внутренней политики Советов, обративших свободных и вольных, как птица казаков, в колхозных рабочих, майор К. выстрадал в своей душе и у него созрело непоколебимое решение начать борьбу вместе с Немецкой армией против поработителей вольного казачества. Летом в 1941-м году под Смоленском майор К. вместе со всем своим полком переходит к немцам. Они делают это не из оппортунизма, не в поисках личной безопасности, но по глубокому убеждению, что борьба Германии против большевизма справедливое дело и что свою родину — родину донских казаков, они только с помощью Немецкой армии могут освободить и добиться возможности жить на своей родной земле. И как честный солдат-патриот идет К. в плен.

В лагере для военнопленных удается майору К. убедить немцев в искренности своих убеждений и после проверки его образа мыслей К. формирует вместе с немецкими

офицерами, казачий эскадрон, предназначенный вести борьбу с бандами в тылу.

С жаром отдается К. новому делу. Вскоре эскадрон начинает свою деятельность на Дону, на Кубани и в других казачьих областях. Сообща со своим адъютантом, немецким офицером, К. в борьбе с бандитами, проявляет исключительную по своим результатам успешную боевую деятельность; он и его казаки получают боевые награды. Сам К. производится в чин подполковника. С начала 1943-го года из небольших казачьих эскадронов образуется казачий полк. Командование над ним в знак особого доверия поручается К. — двадцать один год прослужившему в красной армии. Сейчас полк сражается на Балканах с местными бандами большевиков. С гордостью носит этот сорокалетний командир кубанку с офицерскими отличиями. В его светлых глазах видна никогда не исчезающая мечта увидеть свою родину освобожденной.

Казачья песня

Звенит звонок и песня льется

Несется пыль по столбовой,

На крыльях радости стремился

Казак в дом юности своей.

Завидел он вдали станицу

На Божьем Храме крест блестит

Его забилось ретивое

Слеза невольно с глаз катит.

Ушел из дома молодым он

Пятнадцать лет Дону служил,

В чужих странах с врагами дрался

Свое отечество любил.

В бою был смелый с супостатом

И отстоять всегда он мог

И дом родной, свою станицу

И честь и славу казаков.

Живет наш Дон он безопасно,

Хранимый верным часовым,

Героев он рождать способен

Таких, каким в бою я был.

Но я старею, а казачка

На смелу мне сына дала

Гордись наш Дон ты вечной славой,

Казак расти в богатыря.

Германия готовится

Пехота наступает

Полевая гаубица

В прошлом году Германия и на фронтах, и на родине выдержала самое тяжелое из всех бывших доселе испытаний.

Задолго подготовленное генеральное наступление врагов, начавшееся в первые дни июля на Восточном фронте, усиленное англо-американскими операциями в Сицилии и южной Италии и расширение воздушной войны против Германии, потребовало от германского народа значительного напряжения сил. Предательство правительства Бадольо создало временную брешь в оборонительном европейском фронте.

Ведя грандиозные оборонительные бои на Восточном фронте, германские войска должны были одновременно с двойной бдительностью охранять от возможных десантов запад, север и юг Европы и, кроме того, укрепить южно-европейский фронт, на котором противник, в сотрудничестве с правительством Бадольо, уже начал было в одном пункте продвигаться вперед.

Германское командование сумело остаться господином положения. На итальянском театре войны германские войска полностью сломали календарный план начавшегося наступления англо-американцев и принудили их к «улиткообразным темпам». Военные операции в западной Европе до сих пор разворачиваются почти исключительно на итальянской земле, хотя большевики требуют создания второго фронта на территории Франции, Бельгии и Голландии. Об этом мечтают также наиболее горячие головы в Англии и США. Однако мощный германский оборонительный вал у Атлантического побережья служит преградой для осуществления этих воздушных замков. Англо-американское командование не рискует пока атаковать и норвежский вал.

Германия, соблюдая необходимую бдительность, уверенно готова встретить возможное нападение на эти побережья. В речи от 8 ноября прошлого года Фюрер, намекая на Атлантический вал, многозначительно констатировал, что в нужных, серьезных случаях обнаружится, является ли германская сдержанность в некоторых вопросах слабостью или хладнокровною рассудительностью.

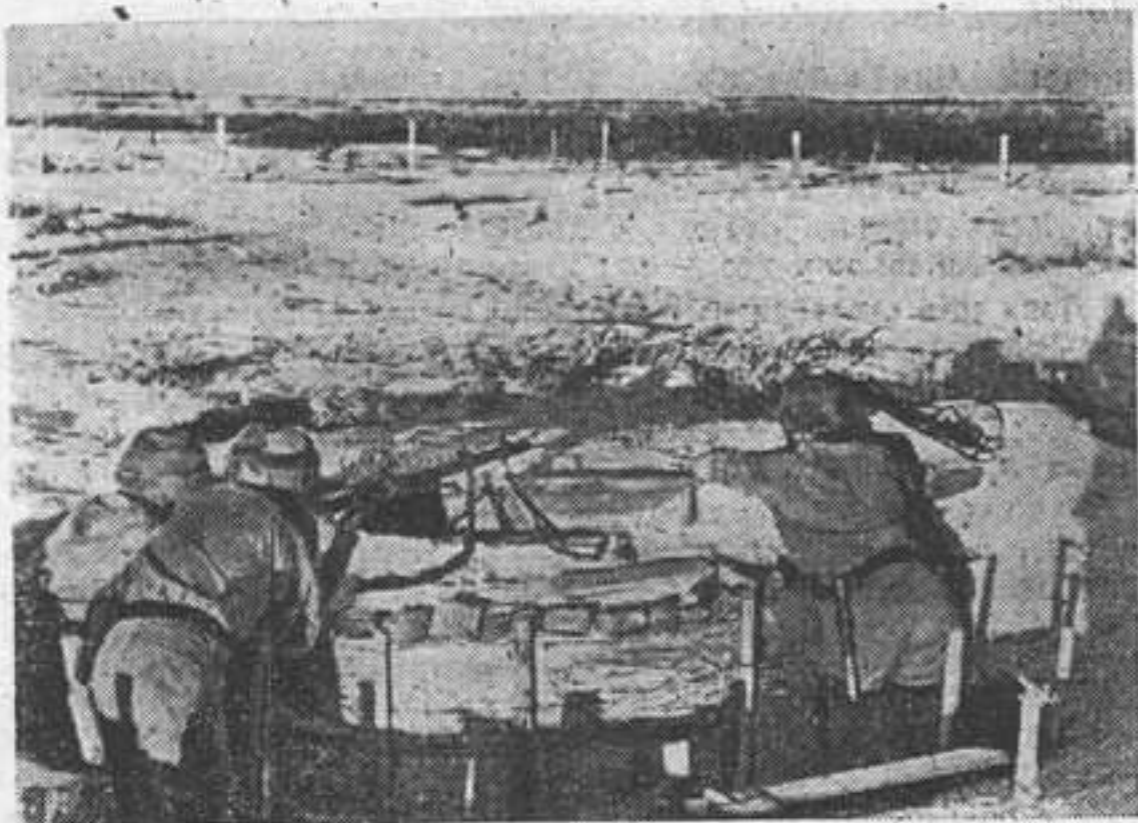
Восточный фронт — основной центр тяжести в разворачивании военных событий настоящего времени. Борьбу на этом фронте Фюрер охарактеризовал, как самую тяжелую, которую когда-либо вел германский народ. Исключи-

В 1944

Гранатометатель на позиции

к решающей битве

Зима на восточном фронте

Минометчик за работой

ГОДУ

Немецкий танк проезжает через украинское село

тельное напряжение всех сил, которого она требует, составляют основную тему речи Фюрера 8 ноября прошлого года.

Более пяти месяцев большевики непрерывно штурмовали германские позиции на Восточном фронте, стремясь любой ценой сломить германский оборонительный фронт. В ходе пятимесячного колоссального сражения германские войска, уступив значительную территорию, сохранили, однако, непрерывную связь всех частей оборонительного фронта и его сомкнутую боевую силу. Великие победы первых двух лет войны и занятая в эти годы громадная территория позволили германскому командованию «играть русским пространством» и создать из него буфер, о который разбились советское наступление.

Несмотря на ухудшение погоды и бездорожье, упорные бои на Восточном фронте продолжаются. Германские военные круги в данный момент исходят из предположения, что большевики будут попрежнему продолжать наступление с крайним напряжением сил, оставшихся еще в их распоряжении. Они будут спешить добиться оперативного прорыва и необходимого им скорейшего окончания войны.

Этим советским планам Фюрер противопоставил убеждение и уверенность в том, что большевикам ни в коем случае не удастся сломить германский фронт. Он добавил еще, что решающее значение будет иметь последняя битва. Эту ссылку на последнее большое и решающее столкновение надо понимать не только образно. Можно предполагать, что в основе этого лежат вполне конкретные расчеты и факты.

Примечательно, что в прошлом году на Восточном фронте нигде не были введены в бой на продолжительный срок германские резервы, хотя Германское командование располагает вполне достаточным количеством дивизий. Кроме того, Германия, в результате напряженной работы всей высоко развитой европейской военной промышленности, располагает колоссальным количеством вооружения и боеприпасов. Поэтому можно сделать вывод, что Германия сейчас накапливает силы для грядущего решающего столкновения на Востоке, в котором будут использованы все людские, материальные и духовные ресурсы Германского народа.

Г. Алекс

Исторические очерки Дона

Часть вторая

(Продолжение*)

IV

Казак в Семилетнюю с Прусской войну. Отзыв о нем Русского офицера Болотова и немецкого пастора Теге.

Как же выглядел в ту пору донской казачий полк?

В конце царствования императрицы Елисаветы Петровны Россия была втянута Францией и Австрией в тяжелую войну с Прусской королю Фридриха Великого. Война эта продолжалась с перерывами зимнего затишья семь лет — 1756—1763-й годы.

16.000 казаков и калмыков под начальством генерал-майора Даниила Ефремова приняли участие в этой войне. Они составили полки — Краснощекова, Пушкарева, Луковкина, Попова, Себрякова, Дячкина, Туроверова, Перфилова, Ребрикова и Машлыкина.

Донским казакам пришлось столкнуться с лучшей конницей того времени — Прусской кавалерией короля Фридриха, с такими ее вождями как граф Дона, Зейдлиц, Цитен, Шорлемер, Малаховский, принц Голштинский, Платен, Платенберг, Финк-фон-Финкенштейн, Рюш и принц Брауншвейгский.

Оставивший записки о времени той войны русский офицер Андрей Болотов с великим презрением и негодованием отзывался о казаках.

«Срамота одна... Над курами, гусями и поросятами вся их победа. По недостатку фуража для подъемных лошадей нас посылали с казаками в селения. Погонщики, денщики, крепостные слуги только приедут, не успеешь оглядеться, а казаки уже рассыпались по деревне и вместо того, чтобы сено набивать в тюки, пойдут шарить по всем местам добра и пожитков. И никого тогда не сыщешь. А тут наскочат неприятельские гусары и пойдут чесать кого, где поймали. Казачья разведка — расспрос. Казак по русски — пруссак по немецки. Казак, ничего не понимая, отрубает пруссаку нос и уши. В деревне давили людей петлями, вырезывали утробы у беременных женщины, похищали детей»...

Таково мнение о казаках озлобленного желчного Русского образованного офицера тылового не воинственного, все еще смотрящего на казаков «Московскими глазами», как на «воров». С московским высокомерием и нарочитым презрением он говорит о лучшей тогдашней коннице Российской Империи.

А вот тут-же и о тех-же казаках мнение врага, — немецкого пастора в Россенах, — Теге:

— «Казаков шло через наш городок», — пишет он, — «несколько тысяч. Казаки и калмыки с длинными бородами и суровым взглядом. Вооружение их — луки, стрелы и пики. Они шли по нашей улице бесконечной вереницей в полном молчании и дисциплине. Страшен и величествен был их вид. Но они ничего никому не сделали худого. Они прошли город и стали по деревням, где им были отведены квартиры. Как боялись мы казаков!... Мы ждали увидеть почти зверей, а увидели прекрасное конное войско»...

Как могли такие казаки, какими их описал Болотов сражаться и побеждать прекрасные полки конницы Фридриха? Казаки сидели на малого роста степных конях, а против них были закаленные в боях с австрийцами и французами драгуны, кирасиры и гусары Фридриха, сидевшие на прекрасных Ганноверских, Прусских, Датских и Венгерских лошадях.

Чем и как побеждали эти страшные и грозные Прусские полки, грозу Французской и Австрийской кавалерии, Донские казаки, вооруженные луками со стрелами и пиками и не имеющие ни лат, ни касок?...

Они побеждали их своей казачьей лавой.

V

Своеобразная казачья «тактика» боя — лава. — Сущность лавы. — Разведка. — Полк Себрякова в сражении у деревни Гросс-Егерсдорфе.

Лава — не разомкнутый на широкие пространства конный строй казачьей части. Лава — сочетание сомкнутых и разомкнутых строев. Лава — совмещение действий на коне шашкой и пикой с действиями пешком, со стрельбой из ружей и метанием стрел из пухов.

Лава почти всегда согласована с действиями других родов войска, участвующих в сражении. Действия лавой не огра-

ничены. Они могут продолжаться несколько мгновений: — развернулись, заманили, атаковали, смели и порубили врага. Они могут продолжаться и несколько суток. Изнурили, заматили, измучили непрерывным беспокойством днем и ночью, не давая ни часа отдыха, и тогда вдруг и совершенно неожиданно и не там, где думал неприятель, атаковали и смели.

Лава есть своеобразный казачий способ действия на войне. Иными словами — лава — казачья тактика.

Научить действия лавой, как обучают любому строю — нельзя. Для лавы нужно воспитать людей. Для действия лавой нужно иметь казаков.

Сущность лавы заключается в том, что каждый казак, не говоря про офицеров и урядников, но каждый рядовой казак знал, что должен сделать полк, а иногда и весь казачий отряд. Каждый следил за своим командиром, за своим соседом, каждый смотрел на неприятеля, как смотрит охотник на обладвигаемого зверя и думал только об одном, как помешать врагу в его действиях, как заставить его: сделать опрометчивый шаг: — подставить свой фланг, нарваться на нашу пехоту, или артиллерию и тогда сокрушить его стремительной неожиданной атакой, когда он расстроен пушечным и ружейным огнем, когда он отброшен нашей пехотой и отходит в беспорядке.

Особый способ действия лавой носил название вентера. Вентерь — рыболовная сеть, натянутая на ряд уменьшающихся обручей и окаймляющихся мешком. Каждый казак — рыбак; каждый рыбачил на Дону или его притоках и знает, что такое вентерь, сам строил также сети. Создать из людей такие вентеры, такие обручи из конных или пеших засад и заманить в мешок пехоты или конницы врага — это и будет вентерь лавы. Иногда заманивать, сжимать, изводить придется сутками — конец один: — неприятель попадает в окружение, будет атакован со всех сторон.

Лава всегда искусно сообразуется с местностью. Каждое укрытие — деревня, лес, болото — засада — там огонь, тучи стрел. Каждое поле — стремительная атака в дротик. Еще сила этой казачьей тактики лавы была в том, что она действовала не по правилам. Ее нельзя было преугадать, предусмотреть, научиться, научиться действиям против нея. Она всегда была неожиданна... Врасплох...

Лава предвлялась прекрасной разведкой. Казаки знали, кто против них и где. Они соображали, что может предпринять неприятель.

Для лавы нужны были не только казаки, но и их казачьи лошади. Легкие, ловкие, стремительные, резвые и необычайно выносливые. Пруссаки в Семилетнюю войну изумлялись тому, как ходили и скакали казаки по болотам, где не только конница, но и пехота не могла пройти. Пруссия — страна лесов, болот и озер. Страна теснин. Казаки ходили по лесам, переходили болота, переплывали озера. Для них теснин не было — везде был простор. Не их теснили, но они, выходя внезапно сбоку теснины, брали неприятеля во фланг.

Вот так было 19-го июля 1757-го года у деревни Гросс-Эгерсдорф.

В час ночи на 19-е июля Прусская пехота начала строить боевой порядок. С рассветом, с грохотом барабанов, с распущенными знаменами она ударила в центр Русской армии. Первая атака была отбита. Вторая потрясла русскую пехоту, но та устояла. Наступил решительный час Прусской победы. Пехота отошла, на горизонте показались темные колонны конницы принца Брауншвейгского. Готовилась страшная атака Прусской конницы.

Был вызван казачий Донской полк Себрякова и было ему приказано сокрушить эту конницу.

Себряков собрал полк за пехотой. Казаки тогда не знали ни резервных, ни сотенных полковых колонн. Сотни стали кучами против своего командира и он стал объяснять задачу полка. По мере того как он говорил, плотнее его обступали казаки, становясь привычным «кругом»: каждый слушал и вникал в задачу.

— Друзья, — говорил Себряков, — нам приказано сокрушить вон ту конницу.

— Иде-ж? — вздохом пронеслось по казачьим толпам. — Ить — сила!... Опять-же — кони!... Он ударит — мантак наш на земь падет.

Лучше казаков понимал это полковник. Он продолжал:

— Наша пехота — пятнадцать свежих, не тронутых боем

* См. № 17 «На Каз. Посту».

батальонов и сорок пушек устроились вон за тем пригорком. Надо заманить драгун на них. Поняли?

Казачьи лица оживились. Заблестали неугасимым огнем подвига глаза.

— Поняли... поняли, — шорохом пронеслось среди казаков.

— Заманить, а как те повернут после огня пехотного и батарейного ударить в дротик.

— Ладно... Только б заманули. Он тоже не прост а там... Доработаем...

— Так. С Богом!

Через топкое болото жидкою колонною стремительно понеслись Донцы, и совсем неожиданно показались сбоку Брауншвейских драгун, уже построивших тесный порядок полковой эскадронной колонны, (как в ту пору атаквала конница пехотные карре), чтобы снова идти на потрясенный и еще не устроенный центр нашей позиции.

Казак Себрякова дерзко наседали сбоку. Не стоило обращать внимания на них. Их было так мало. Но они стреляли с коней, метали стрелы из луков. Они дерзко построили сомкнутый строй и угрожали атакой Брауншвейским драгунам. Это было смешно атаковать грозную колонну драгун на их маленьких лошадаках. Но фланг опасное место. У драгун были уже убитые и раненые. Брауншвейские драгуны стали заходить в плечом, чтобы сразу сбить Донцов. Казаки повернули назад и понеслись на холм. Драгуны пошли за ними. Все грознее и скорее был топот их расслых лошадей. Сейчас они врубят в казачьи ряды.

— За-ма-а-ни-ва-ай! — раздавалась звонкая команда по казачьим рядам.

На глазах драгун точно растаял казачий полк. Как будто и не было тут никаких казаков. Казачьи сотни рассыпались и ускакали по сторонам, по перелескам и болотам. В пятистах шагах от драгун в грозном порядке сомкнутых карре стояла Русская пехота и в промежутке между карре сверкала медь пушек и дымили готовые фитили. Остановить и повернуть сразу рассказавшихся коней было нельзя.

Взвизгнула картечь. Пушки окутались белым дымом; «батальонный» ружейный огонь эхом прокатился по долинам и холмам.

Брауншвейские драгуны в беспорядке повернули.

Как из под земли выросли, появились опять те же неугомонные казаки. Поработала донская пика. Каждый делал свое кровавое дело, не ожидая приказа. Односум следил за односумом и спешил ему на помощь.

После атаки казаки собрали чепраки Брауншвейских драгун, сняли с них одноглавых белых орлов и отправили свою добычу в Черкасск. Там их нашли на черные покрывки аналоев. Так и оставались эти покрывки до последнего большевицкого времени, как память победы казачьей лавы над лучшей конницей Прусского короля.

Белые Прусские орлы перелетели с полей Егерсдорфских в Черкасский собор.

Пруссаки познакомились с Донскими казаками. Кровавые столкновения в Семилетнюю войну не озлобили их, но заложили прочное основание уважения и дружбы, которые в полной мере проявились пятьдесят лет спустя, когда Русские войска явились союзниками Пруссии и вступили в войну с Наполеоном для освобождения Пруссии от ига Наполеона.

VI.

Отзыв о казаках фельдмаршала Румянцева. Полковник Суворов в семилетнюю войну узнает под Ландсбергом Донских казаков. Сражение на Кинбурнской косе. Приказы и инструкции Суворова о казаках.

Как относились к казакам и как отзывались о них великие Русские полководцы времени Императрицы Екатерины II?

Россия в царствование Императрицы Екатерины II вела две войны с турками: первую с 1762 по 1774-й год и вторую с 1787 по 1791-й год. Усмиряла Польский мятеж в 1794 г., усмиряла Пугачевский бунт и посылала войска в Закубанский поход.

В этих войнах и походах прославили свои имена два полководца Русских: Румянцев и Суворов.

Румянцев узнал Донских казаков в первую турецкую войну, в которой принимало участие 22.000 донских казаков под начальством походных атаманов Михаила Поздеева, Тимофея Грекова, Дмитрия Мартынова и Никифора Сулина. Полки эти действовали в больших сражениях, веденных и выигранных Румянцевым на берегах реки Ларги и на Кагуле; Румянцев по окончании войны выдал Донским казакам следующее свидетельство:

— «Подвиги старшин и казаков войска Донского против неприятеля отлично споспешествовали (сопровождали) все славные успехи Российского оружия. Они составляли зимою

и летом первую стражу армии не утомлялись ни нуждою, ни выгодами, особенно в необитаемых местах. Их бдению и врожденному в них военному искусству мы особенно обязаны тем, что неприятель нигде не мог во вред нам скрыть своего движения, но был часто самими казаками отбит. Казаки побуждаемые доброю волею и рвением к службе всюду, где было столкновение с неприятелем, в малых и больших стычках и в самых генеральных сражениях, пускались в огонь первые, отличались храбростью чрезвычайною, повиновением власти и жертвованием самою жизнью обретали многие над неприятелем победы. Доказательства их мужества, военного искусства, старания и послушания в действиях, которые я, или генералы, командовавшие отрядами, им поручали — так велики, что описать их трудно и нельзя достаточно похвалить. Я заключаю свое свидетельство тем, что храброе и полезное отечеству Донское войско по отличиям своим заслугам, в войне доказанным, достоин Высочайшего благоволения и милостей Монарших».

Императрица Екатерина II отметила участие Донских казаков в Первой войне с турками пожалованием войску Донскому 28-го июня 1775-го года похвальной грамоты и великолепно украшенного знамени. На знамени была надпись: — «Нашему верноподданному войску Донскому за храбрые и мужественные подвиги во время минувшей войны с турками».

Суворов познакомился с Донскими казаками, когда был полковником и командиром пехотного полка. Он уже тогда провозгласил в полку, что главное в военном искусстве — «быстрота, глазомер и натиск»... К его полку во время Семилетней войны были приданы Донские казаки. Это было в Пруссии, и Суворову нужно было занять город Ландсберг и уничтожить в нем мост, имевший важное значение для движения армии Прусского короля.

В сумерках подъехал Суворов на казачьей лошади к Донцам и повел их к реке Нетце. С ним был немец проводник. Уже темнело, когда Суворов въехал в реку и оглянулся — казаки въехали в реку за ним. Глубже и глубже река, плывет Суворов, плывут за ним и казаки. За рекой втянулись в глухой лесной проселок. За ночь прошли 45 верст и в передрастветном тумане увидели перед собою каменные стены городка Ландсберга.

Суворов обернулся к казакам и воскликнул:

— Город наш!... Ура!... Нападаем?!

— Там прусские гусары, — в страхе шепнул ему проводник.

— Помилуй Бог!... Благодарю, — сказал Суворов, — Их то мы и ищем.

Суворов и казаки подскочили к городку. Тяжелые ворота замыкали крепостные стены. Задержка была на одно мгновение. Не успел Суворов и распорядиться, как у казаков появилось откуда то взятое тяжелое бревно. Казаки раскатали его и выбили ворота.

Все поскакали к мосту. Суворов кричал:

— Одно ломи!... Другое жги!

Сами знают, — сказал ординарец, Донской урядник, — не извольте себя беспокоить, ваше высокоблагородие.

Когда? По чьему приказу? они успели спешиться... Откуда достали они лодки? Откуда появились у них соломенные горящие жгуты? Как смело плыли некоторые по реке в плыв с топорами в руках. Затрепали, загорелись доски настила, рухнули в воду подрубленные сваи. Моста, как не бывало...

Не прошло и получаса, как казаков не было в Ландсберге, не было в нем и гусар и не было столь нужного для Прусской армии моста.

Подлинно то были «глазомер, быстрота и натиск». Каждый «войн понимал свой маневр». Каждый казак без указки знал, что ему нужно делать.

Суворов узнал казаков — казаки узнали Суворова.

Во вторую войну с турками Суворову было поручено оборонять крепость Кинбурн. Турки высадились в значительных силах на Кинбурнской косе. Суворов вышел из крепости для полевого боя. Во время этого боя 1-го октября 1787-го года Суворов был ранен в левую руку пулей на вылет. Верный его ординарец, донской казак Иван, с другими казаками вынес Суворова в сторону. Донской есаул Кутейников своим галстукон перевязал ему рану.

— Помилуй Бог!... Благодарю, — сказал Суворов, — помогло!... Тотчас помогло!... Прогоним, богатыри, всех турок в море и раненых и здоровых.

Суворов бросился в самую сечу боя.

Турецкие силы во много раз превосходили силы Кинбурнского гарнизона. Ночь надвигалась. Нехватало патронов. Турки ожесточенно напирала на Русских. Местами уже были заняты ими передовые укрепления. Надо было отступать. Но не знал этого слова Суворов. Он обратился к бывшему

при нем есаулу Краснову и приказал привести последний резерв — пехотный батальон.

Краснов прискакал к батальону и нашел его в расстройстве; в батальоне не было офицеров. Они все были перебиты или ранены.

— Друзья! — крикнул Краснов. — Суворов приказал ударить в штыки! Ура!...

Он повел батальон на крепостные окопы. Его ранили в ногу. Он продолжал отбиваться от турок. Уже в полной тьме прискакали его казаки: в темноте, среди кустов и прибрежных камышей пошла свалка. Турки отступили и пошли на свои корабли.

Около 2.000 турок пало в рукопашном бою. Русские войска потеряли около тысячи человек.

Все это запомнил Суворов и выделил казаков в своей памяти.

Александр Васильевич Суворов знаменит не только как искусный полководец, «непобедимый», ибо никем во многих войнах и сражениях никогда не побежденный, как изумительный знаток солдатской души, но еще и, как бесподобный учитель военного искусства.

Суворовские «Наука побеждать», «приказы войскам», «инструкции», писанные по разным случаям короткими, ясными, каждому солдату понятными и доступными поучениями так верны, значительны и глубоки, что прошло почти два века с тех пор, как они писаны, а все не потеряли они своего значения и силы и до сей поры, хотя все переменялось: — оружие, состав и сила сражающихся войск и самый способ ведения войны.

Касаются Суворовские поучения духа войны. Дух же войны — вечен.

В этих приказах и наставлениях Суворов выделяет казаков. Он дает указания по разным родам войск: — пехоте, артиллерии, кавалерии но тут же добавляет о казаках. Он узнавший их, хорошо видевший их в разных оборотах службы и боя, понял, что они — конница, да только совсем особая конница. Они сверх конница.

В «Науке побеждать» Суворов, указывая на значение в бою «конница» пишет: — «конница должна действовать всюду, как пехота, исключая выжи (болота). Казаки везде пролезут».

В итальянскую войну 1799-го года накануне сражения на реке Треббии Суворов отдает приказ: — «неприятельскую армию взять в полон. Влиять твердо в армию, что их 27 тысяч, из коих только 7 тысяч французов, а прочие всякий сброд реквизионеров. Казаки колоть будут, но жестоко бы слушали, когда французы кричат будут: пардон или бить шамад. Казакам самим в атаке кричать: «балезарм, пардон жетелезарм» (бросайте оружие, простите, кидайте оружие) и, с ним пользуясь, кавалерию жестоко рубить, а на батарее быстро пускаться, что особенно внушить казакам, коим удобно испортить на реке Таро мост и тем зачать отчаяние; с пленными быть «милосердну»... «Их генералов особенно казаки и прочие примечают по кучкам около них; кричать пардон, а ежели не сдаются убивать»...

В том же году Суворов написал «инструкцию» по обучению австрийской, союзной с нами, армии и в ней отметил: —

«Казаки должны всегда держаться за кавалерией; их быстрота довершает победу... и как только неприятель сбит то не один человек не спасется»... «Победителю прилично великодушие. Бегущий неприятель охотно принимает пардон. Смерть или плен все одно»...

«Казаков надобно ставить за пехотой, полками, или сотнями, чтобы немедленно преследовать неприятеля, лишь только начнет отступать».

«В боевом порядке казаки должны строиться, смотря по местности, малыми или крупными частями, или позади линии, или по флангам. Как только неприятельская линия сбита, казаки по своей быстроте отлично преследуют и в особенности забирают пленных. Иногда должны кричать: «пардон», «пардон».

(Продолжение следует)

П. Краснов

Донцы на Украине в 1943 году

Экскурсия в Германию

Далеко заброшенные от Родных мест, оторванные от семей, находящиеся под гнетом жидовского ига, мы врачи и фельдшера казачьих частей с большой радостью встретили известие об экскурсии в Германию. Многие из нас больше года уже борются, рядом с немецкими солдатами; за создание Новой жизни и давно лелеяли мечту побывать в центре будущей Европы.

В час ночи, в скором поезде, мы выехали из Лемборга. Ночь провели утопая в мягких диванах. Утром разбудили женские голоса: «Зуппе», «Кафее» — это медицинские сестры снабжали пассажиров супом и кофе, налитыми в картонную посуду. Мы поняли, что находимся за Катовицами — на немецкой земле. Как только тронулся поезд, все бросилось к окнам. Мы не могли отличить деревень от рабочих поселков и пригородных построек от городских. За время пути мы не видели ни одного одноэтажного дома. За окном мелькали прекрасные шоссейные дороги и крупные массивы земли, обрабатываемые крестьянами. В дороге невидны были ни сутолоки, ни беспорядка. Во всем чувствовалась деловитость и организованность. От Лемборга до Потсдама доехали за 22 часа. Потсдам — пригород Берлина, утопающий в зелени. На окраине его раскинулся знаменитый парк Санссоуш. Дворцы, оранжереи, пруды, фонтаны, статуй парка, производят неизгладимое впечатление. Около Берлина осматриваем резервный лазарет. В лазарете встретили раненых легионеров, которые наравне с немецкими солдатами пользуются лечением и протезированием. Инвалид из этого лазарета выписывается только тогда, когда хорошо подготовлена культя, получен протез и обучен какому-либо ремеслу. Так, что инвалиды войны в Германии не являются обузой для семьи и государства. На лицах у них вы не встретите ни печали ни тревоги за будущую жизнь. Они так же охотно занимаются физкультурой, как и те, кому предстоит еще схватка с врагом.

По дороге в военно-медицинскую академию, осмотрели Олимпийское село. Это сооружение с местами для зрителей, со стадионами и физкультурными площадками занимает площадь в 120 гек. В селе имеется несколько зрительных мест. Главное место (с жертвенным огнем) вмещает 135 тысяч зрителей. Здесь возможно проведение всех видов спорта, начиная от тенниса, волейбола, и кончая конными состязаниями. Олимпийское село это гордость страны, страны не жалеющей средств для духовного и физического развития своего народа. Медицинская академия готовит врачей для воинских частей. Основные теоретические курсы и практические занятия проходятся в университетах, в академии — военные предметы и строевая подготовка. Здесь же для студентов отведены квартиры, именно квартиры, а не общежитие, т-к студенты живут в отдельных хорошо меблированных комнатах. Медицинская академия готовит только врачей. Срок обучения — 5 лет.

В Берлине осмотрели центральную библиотеку с 4 мил. экземпляров книг и читальный зал. Для каждого читателя отведен столик с отдельной лампой. Книги находящиеся в этом зале распределены по отделам и читатель пользуется ими без библиотекаря. Только редкие экземпляры книг, хранящиеся в других комнатах, выдаются библиотекарем по требованию или же отыскиваются согласно заявке по телефону.

От Берлина до Дрездена доехали за 4 часа. Дрезден — столица Саксонии. Один из наиболее красивых и культурных центров Германии. Оперный театр... смотрим оперу «Тарас Бульба». Знакомые персонажи, немного иска-

женный сюжет, незнакомый язык, но смотрится легко доступно понимающе.

На следующий день осматривали гигиенический музей. Особенно богато и оригинально представлен отдел анатомии и физиологии человека. Исключительное впечатление по своей структуре произвел на нас стеклянный человек. Не так давно это был единственный экземпляр в мире и только перед последней войной Германией были проданы двойники этого человека Франции и Америке. Весь человек разбит на отделы и каждый из отделов связан с электрической сетью. При затемнении комнаты и включении определенного отдела в электрическую сеть, можно получить любой препарат для изучения анатомии. В отделе физиологии видели второго стеклянного человека с постоянным кровообращением. Этот препарат смотрится при дневном освещении. Удающаяся молодежь пользуется музеем бесплатно.

В туберкулезный санаторий выехали автобусом. Прекрасная шоссейная дорога, обсаженная фруктовыми деревьями. Пожелтевшие уже фрукты гнут ветви деревьев к земле и ждут хозяина. По установившимся традициям путник пользуется только упавшими фруктами. Санаторий расположен в живописном уголке, богатом зеленью. Все больные лежат во дворе под навесом. Лечение туберкулезных больных, главным образом, хирургическое. Применяют: пневмоторкс, френикоэкзерез, термокоагуляцию шварт, торокопластику, верхушечную пластику, экстраплевральный олеоторкс и новый Итальянский способ — дренажирование коверн, под контролем рентгена.

Перед отъездом из Германии нам показали квартиру врача. Врач с 1914 г. занимается частной практикой. До этого три года работал в клинике. Квартира состоит: из комнаты ожидания, приемного кабинета, процедурной, рабочих кабинетов членов семьи, столовой, кухни, несколько спальных комнат, общей библиотеки, всего — 12 комнат. В процедурной имеются: аппарат диатермии, кварц, соллюкс, синий свет, гинекологическое кресло и необходимый инструментарий. Все это оборудование составляет его личную собственность. Годовой заработок врача около 20 тысяч марок. Из них платится налога около 4 тысяч марок, квартира и другие коммунальные услуги около 3 тысяч марок в год. Чистый заработок превышает 10 тысяч марок в год. Все взрослые члены семьи имеют велосипеды; для посещения больных на дому имеется автомашина. Жизнь среднего врача Германии нельзя сравнить даже с жизнью крупного специалиста — профессора Советского Союза.

Во время пребывания в Германии мы посетили несколько мануфактурных и обуанных магазинов. Большой ассортимент товаров позволяет в любое время без очереди купить по карточкам необходимый товар. Вследствие этого население Германии настолько хорошо одето, что по костюму нельзя судить кто перед вами: рабочий или инженер, сельский учитель или профессор. За две недели мы не видели ни одного костюма с заплатой, ни одних штонанных чулок. Много встречали Украинской, Русской молодежи, выехавшей на работу в Германию. Выглядят прекрасно. Некоторые приняли уже Европейский вид: модная прическа, хороший костюм и только значок «ОСТ» указывает на происхождение. Все получают паек наравне с немецкими рабочими. Политика национал-социалистической партии Германии направлена на поднятия материального уровня всех слоев населения. Поэтому немецкий народ так любит свою родину, дорожить ею и предан своему правительству.

Ф. Кудинов

Несокрушимые

Разрезав надвое село, у входа в него, слились в одну — две дороги. Выходя, они снова разорвались, и разбегались в две противоположных стороны, спрятались в изрезанных оврагами, покрытых мелкими лесами, просторах. Со всех четырех сторон можно въехать в село и быть замеченным только на его улицах...

Село — Потняне.

★

После обычного военного дня казаки саперного батальона готовились ко сну. Некоторые уже спали. В штабе батальона заканчивали дела. И только патрули и дозорные яростно впивались взором в непроницаемую, завернувшуюся в тяжелое одеяло, балканскую ночь. Чернота ночи плотна как чернозем: автомат под мышкой, а до конца его ствола глазом не достанешь.

Нигде ни звука; разве только в сарае всхрапнет зорюющая лошадь. В такую пору отчаянно хочется спать. Кажется — за час безмятежного сна отдал бы пол-жизни. Впрочем... это так — не серьезно. Жизнь дороже! А если еще и не только своя, а и жизнь многих своих товарищей-казаков, внимание становится еще больше. Чтоб разогнать слипающую веки дремоту ноги вдавливаются в землю до отрезвляющего, от желания спать, ощущения.

— Чччак — глухо в дерево.

И, вслед за этим, из ночной мглы в уши ворвался придавленный выстрел. Другой... Описав в воздухе невидимую шипящую дугу и мягко шлепнувшись камнем о сырую землю оглушительно разбрызгалось осколками...

Желания спать, как не бывало!

★

Наступала 26-ая годовщина кровавой революции в России. Кремль требовал от всех своих приверженцев подарков страшному своему юбилею.

Логово, рыщущих вблизи города Осека, бандитов вынуждено было уступить требованиям своих хозяев — сталинских посланцев, и впервые решило само вступить в бой с одной из частей Казачьей дивизии. Набрал больше девяти сотен ярых своих приверженцев в основном состоящих из тех, кому не с руки честный труд и из сельских, обманутых лживой пропагандой о безкрайне счастливой и довольной жизни советских колхозников, бандиты сколотили из них три батальона. Но не надеясь на их силу пошли на обычную, и характерную большевикам, комбинацию: прихватив сотню женщин, девушек и подростков-детей, поставили их впереди двинувшихся в поход своих батальонов.

За большим решили не гнаться и для нападения избрали село Потняне: стратегически выгодное село; со всех сторон оно имеет скрытые подходы, входы и, также, выходы. Защищено лесами. К тому же, в нем немногочисленное казачье соединение — всего две сотни и штаб батальона с полусотней казаков. Расчет простой: пользуясь темнотой безлунной ночи незаметно подойти к селу, просочить в него некоторую часть своих сил и, заняв в центре его дома своих единомышленников, снять внутреннюю охрану села. Основным же силам — окружить село и потом комбинированным ударом изнутри и извне села обрушиться на боевое охранение, стремительно смять его, а потом — короткой атакой разбить и уничтожить казаков. Женщины и дети, при этом, должны сыграть свою роль — роль психологического воздействия на сознание казаков, поддавшись которому, большинство их, рассчитывали бандиты, должны были перейти на сторону партизан.

★

Ночь скрыла подход партизан. Прикрываясь темнотой и пользуясь незначительной щелью в стыке боевого охра-

нения двух сотен, им удалось проникнуть в село и занять некоторые дома.

★

За два часа до полуночи раздались первые выстрелы партизан. Перестрелка сперва началась на юго-западной и западной стороне села. Затем — на востоке и севере. Через короткое время вокруг всего села разгорелся большой огневой бой. Стало ясным, что батальон саперов-казаков, в этом селе состоящий из двух нормальных и одной штабной сотни, попал в довольно сильное, по численности противника, окружение. Проникшие в село партизаны заняли выгодные позиции и из окон и чердаков открыли автоматный обстрел улиц, сделав их непроходимыми.

Казаки быстро обнаружили место просачивания противника в село, и закупорили его штабной полусотней. Но бой разгорался с каждой минутой. Попытка связаться с ближайшими частями дивизии не увенчалась успехом — связь оказалась поврежденной и наличные силы батальона очутились предоставленными самим себе. Положение становилось тяжелым.

Обреченность казаков стала очевидной...

★

С окраин, со стороны основных сил противника, неслись дикие крики.

— Да здравствует Сталин!

— Казаки, сдавайтесь!

— Переходите к нам, — ясно слышались пискливые голоса, — вы получите здесь женщин!

— Не стреляйте, идите к нам! — кричали подростки.

Злило казаков имя Сталина. Выводила из себя попытка партизан перетянуть их на свою сторону. Оскорбляли низкие посулы женщин. Все это было так дико, особенно последнее. Но в бою, да еще в неравном, сердце должно окаменеть. И оно окаменело.

— Это придержите для себя, а пока что — получите наш подарок! — ответил кто-то из казаков и продолжил разговор длинной очередью из пулемета.

— За Новую Европу! За нашу Родину! Вперед!.. — щедро присаливая, гаркнул казак Бендусов.

Длинным пулеметным и коротким автоматным очередями партизаны отзывались протяжными стонами и воплями о помощи. Но вместе с криками оттуда — с партизанской стороны, бросались все новые и новые волны наступающих бандитов.

★

Когда партизаны начали наступление, казаки Шаповалов и Пономарев были во внешнем дозоре. Они первыми открыли ответный огонь из винтовок, и заняв оборону остались сдерживать наступление...

У внешней обороны лежал у пулемета урядник Шульдешов.

— Ура Сталину и маршалу Тимошенко! — находясь в двадцати метрах от Шульдешова, по-русски крикнули партизаны.

— ..., чтоб голова прямо стояла. На! — Разразился урядник, и очередь за очередью посылал в многочисленных бандитов. Призывные крики партизан сменялись отчаянными воплями подбитых.

1200 выстрелов послал Шульдешов в партизанскую гущу, а она все лезла на него...

Из-за угла навалились на лейтенанта Х. несколько бандитов. Сбив его с ног — раздели до носков. А затем, один из них размахнувшись винтовкой, разможил лейтенанту голову. Забрав снятые вещи и трусливо озираясь, бан-

днты ушли. Видел это унтерофицер Ш.; злобой раздавило его зубы...

Бой разгорался. Кончались патроны, а склад боеприпасов — на противоположной стороне улицы. Бандиты заняли два дома по бокам склада и взяли под перекрестный автоматный обстрел подходы к нему. А патроны нужны; их совершенно нет у пулеметов и только по пяти штук на винтовку. Выбор один: «любой ценой добраться в склад, иначе — гибель всем», — решили вахмистр Кандыба и урядник Бабарыка.

Короткими перебежками они отправились к складу. Еще гуще посыпались очереди. Добрались до середины улицы, и одновременно — свалился сраженный насмерть Кандыба и обожгло руку Бабарыке, платью повисла она, но... нужны патроны — сотня лишена огневого сопротивления. Сжав зубы, он придавил стон и окровавленный пополз к штабу.

— Патроны, патроны в сотню, — потребовал он, и теля кровь заметно бледнел...

Атаман сотни Бойко вышел из хаты на шум первых одиночных выстрелов; не придавал им особого значения — часто стреляют беспричинно. Темно, хоть глаз выколи. Впереди — группа, думал — казаки. Пошел на них. А ему сразу... штык к животу. В шляпах, — значит партизаны.

— Здоров, брат. Идем за Сталина, — молвил один из них.

— Попал, — пронеслось в сознании Бойко.

И вдруг, одна за другой — две гранаты, и обе в эту группу...

В соседней с пулеметом Шевченко огневой точке отказал пулемет; расчет вынужден был отойти. В образовавшуюся брешь ринулись партизаны. Шевченко сообразил и быстро отодвинул несколько назад, избрал более выгодную позицию, господствующую сразу над секторами своего, и вышедшего из строя, пулемета, и открыл уничтожающий огонь по всей ложине, ведущей к лесу. Смял ринувшихся партизан и, прикрыв собою прорыв, заставил их остановиться...

К ведущему огонь пулеметчику Шевченко, с тыла подбирались партизаны. Это заметил казак Сахно. Обстреляв из винтовки он отвлек от Шевченко бандитов и принял их удары на себя...

У дома, на окраине села, группа партизан заняла свои старые окопы и повела по селу частый огонь.

— Разрешите, я пойду выкурю их оттуда, — обратился к командиру повар-казак Александров.

Взяв несколько гранат, Александров подполз к окопам и забросал их гранатами. Тесновато стало партизанам в окопах — бтошли, а он заняв их окопы и с одной лишь винтовкой вступил с партизанами в неравный бой...

★

Окружение села все сужалось и сужалось. Все новые и новые волны озверевших партизан, сжимая плотнее кольцо, бросились на него. В самом селе многие дома оперялись интенсивным автоматным и винтовочным огнем, направленным против казаков. Развороченным гнездом лесных ос по улицам звенели пули, заставляя казаков, как только можно плотнее, прижиматься к земле и вдавливаясь в выемки зданий, чтобы в секундные перерывы в обстрелах, броском перебежать и подавить неприятельские огневые точки.

Темнота ночи была на стогоне партизан. Гранаты взрывались в неожиданных местах, рядом. Казаки оказались в безвыходном положении. Готовились к тому, чтобы как можно дороже отдать свои жизни...

★

Бой был настолько сильным, что его улышали не только в селе, соседнем с Потнянами, но и значительно даль-

ше. Первым бросился на помощь один взвод 2-ой сотни саперного батальона, но партизаны предупредили его вмешательство в бой: перекопав дорогу, они встретили напоровшиеся на перекоп автомашины казаков. Те, не добравшись до села, быстро заняли оборону и вступили в боевое соприкосновение с партизанами. Партизаны сняли некоторые свои силы из числа сдавливавших село и бросили их против этого взвода.

★

Полтора часа продолжался бой за занятие партизанами внутри села дома, но казачья отвага принесла успех казакам: часть пробравшихся в село партизан уничтожили, некоторые из них, прекратив огонь, скрылись в домах, другие же ушли из села.

Беспрерывно продолжались внешние партизанские атаки, но они разбивались о несокрушимую волю казаков так чувствительно, что после двухчасового боя партизаны прекратили свои атаки и на внешние позиции села.

В это же время, с юго-востока подошел один эскадрон велосипедистов 5-го Донского полка с двумя минометами. Оказав огневое давление из минометов на партизан, донцы предоставили казакам саперного батальона возможность перейти к контратакам...

В конце первого часа по полуночи 7-го ноября закончилась последняя фаза Потнянского боя. Подбирая на внешних своих позициях убитых и раненых, партизаны успешно отходили и скрывались в большом лесу.

На рассвете все закончилось. На поле боя и в селе остались не подобранные трупы 18-ти бандитов, и среди них — два их офицера. Располагая большим обозом, партизаны своих раненых и убитых увезли с собой, но многочисленные кровавые следы свидетельствуют о том, что их было много.

После боя, обыскивая село, казаки нашли тех же партизан, которые ночью, не сумев уйти, скрылись в многих домах.

★

Настало утро. Почти все казаки оказались по своим местам: повар Александров уже работал на кухне; атаман Бойко — в своей сотне: казачьи гранаты внесли смятение в группу партизан, а он, после десятиминутного плена, «утек»; Шевченко торопился проверить свой пулемет... Все занимались каждый своим делом. Не было только семерых; смертью храбрых они пали в отчаянной ночной схватке.

★

Этим же утром в батальон прибыл начальник Казачьей дивизии генерал фон-Паннвиц; он выразил свою признательность казакам батальона и восемнадцать из них наградил «Знаком с мечами за храбрость». Среди награжденных — казак Шевченко Дмитрий; за один только этот бой он получил два ордена.

★

Первое свое боевое крещение казаки саперного батальона выдержали с присущей казакам честью. Как и всегда — они верны общему делу борьбы со всеми проявлениями большевизма. Храня традицию казачества, они беззаветно храбры в бою.

— Рискуя жизнью мы вырывались от своих бандитов, — заявляют саперы, — зря пытаются перетягивать нас к себе здешние их наймиты: им цену мы уже знаем. С кремлевскими прихвостнями нам не по-дороге; мы имеем свой путь, и на этом пути — мы несокрушимы!

Вас. Кабанов.

Как собиралось Яицкое войско

Был конец царствования Ивана Грозного.

Быстро катил свои воды древний Яик, подмывая свои «круты яры обрывчаты», рассыпая свои «желты пески». Как сказочный богатырь, растянувшись он в сладкой дреме по вольной зеленой степи, задумчивый и молчаливый, играя своею жемчужной волпой с яркими лучами золотистого солнца. А вокруг него зеленым бархатным ковром, распахнувшись широкою гладью, лежала бесконечная степь, убегающая своими цветами далеко, далеко на простор, пока видел ее глаз. И нет ей конца, ей меры. С громким клетотом парил над нею «сизой орел» — беркнегул, распутив свои могучие крылья. Лишь изредка опускался он на курган, смотрел своим зорким оком и ждал добычи. Длинною цепью убегали в синюю даль эти курганы — древние могильники скифов, половцев и других, кочевавших когда то по Яику, диких народов. Высоко поднявшись над ними и трепеща своими крыльями, пел над степью свою звонкую песню веселый жаворонок, и повсюду перелетая с места на место паслись по ковыльной степи стада стрепетов и тяжелых дроф. Рассыпавшись по долинам и среди курганов в степи, блестя своею голубоватою шерстью и опустив свои большие головы, бродили тысячные стада диких коней — турпанов.

Рядом с ними паслись другие дикие лошади, стройные и поджарые, с длинными ушами, с небольшою гривой и короткими хвостами, с густою дымчато — серою шерстью, они «великими табунами» быстро перебежали с одного поля на другое, это были куланы. Вздывая пыль, проносились табунами по степи легкие и быстрые, как ветер, осторожные сайгаки и повсюду по ильменям и озерам слышалось гоготанье гусей, серебристый крик лебедя — шипуна и раздавались неумолкаемые крики тысяч уток и куликов.

Лишь только наступала весна, лишь только степь покрылась зеленым ковром, как проносились над нею вольными и бесчетными табунами дикие птицы. Оглашали они степь своим радостным криком и пением. Покрывали они собою пространные степные озера, скрывались в зарослях камышей и вили свои гнезда. С звонким серебристым криком один только лебедь-кликун проносился дальше на север в дикие тундры. Шум и стон стоял в это время на взморье в чернях. Красный гусь и лебедь ютились тогда в его камышевых зарослях, вили гнезда и оставались все лето; блестя своими белыми перьями и махая пушистыми крыльями по песчаным морским островам, гнездились тысячные табуны пеликанов и бакланов. Лишь проходя среди зарослей камышей по берегу моря, одни только дикие свиньи нарушали покой этого мирного пернатого царства.

Блестя своею теннестою зеленью по всему Яику, росли могучие темные леса; широкою полосой тянулись они его берегом и по берегам его притоков. Широкою десятиверстной полосой более чем на сто верст к северу Каспийского моря были такие же могучие леса между Волгой и Яиком по Рын — пескам, охватывая собою камыш-самарские озера и Узени. Тихо шумели они своею зеленою листвою, тихо шептались их говорливые листья с пролетающим степным ветерком и звали и манили под свою тень на отдых и покой. Под их покровом ютились куницы, выдры и дикие кабаны, перепрыгивая с ветки на ветку, в их густых зарослях жили суетливые и вертлявые белки; особенно славились своею пушистою шерстью белки по р. Илеку.

Воды Яика были полны всевозможною ценною рыбой; — белуги, осетры, шипы, сазаны пенили его быстрые

воды. Не даром же Яик называли во все времена «рыбною рекою».

Все было дико и вольно над Яиком. И по его необозримым степям всюду кочевали в легких кибитках со своими стадами остатки когда то могучей и грозной для Руси — Золотой орды, ногайские татары. Разбившись на мелкие княжества, они кочевали по этой степи по всему течению Яика, по низовьям Волги и далеко на восток до Аральского моря. Столицей ногайской орды был город Сарайчик на Яике. Когда то цветущий, богатый и обширный, он хотя и не был, как раньше, многолюдным и шумным по все же был сильным и грозным оплотом ногаев. Это был город, окруженный высоким земляным длиною около пяти верст, валом. В середине крепости цитадель, окруженная стеною более высокою, чем город, и имевшая в длину около двухсот и в ширину до ста сажень. В цитадели находились роскошные дворцы ханов, сделанные из кирпича, мрамора и изразцов, там же был монетный двор, где чеканили монеты со своим именем ханы Ильбан (1373 г.), Тохтамыш (1380 г.) и Деревниш (1402). Сам город занимал площадь более одной квадратной версты. Под защитою его стен цвела когда то богатая торговля, шли караваны купцов из Азова через Сарай на Волге и далее в Ургач на Хиву. По этой караванной дороге с незапамятных времен были вырыты глубокие, иногда выложенные внутри камнем, колодцы, остатки которых вместе с развалинами Сарайчика сохранились до наших дней. Это был всемирный торговый караванный путь, по которому обменивались товары Европы и Азии, — путь, который шел до Монголии, Китая и Индии, и вероятно, все орды, шедшие из Азии на Яик, шли этою дорогою, что видно уже из того, что Батый разбил половцев и хвалиссов на Рын-песках, лежащих по этой дороге. Ряд колодцев, до сих пор сохранившихся между Яиком и Волгою, калмыки называли Тамерлановою дорогою, под таким именем известны и теперь у киргизов.

Но мало жили татары в своем городе, они все еще были кочевниками. Круглый год кочевали они по степи, оглушая ее своими заунывными песнями и криком своих табунов. На севере от татар, занимая верховья Яика и южные отроги Уральских гор, жило другое кочевое племя — башкиры; они были, как и татары, скотоводы и бродили со своими стадами круглый год. Они входили в состав Казанского царства, после взятия Казани сами добровольно подчинились Москве.

На запад от ногаев кочевали на устье Волги остатки татар Астраханского царства, а на восток от Яика далеко — далеко в степях у Аральского моря кочевали вышедшие из прибалтийских степей грозные своею численностью воинственные калмыцкие орды, еще далее за ними на восток кочевали киргизы или казаки, как они сами называли себя.

Вольно жилось в этой необъятной равнине кочевым народам, и повсюду в степи стояли улусы, и мирно паслись табуны их скота. Только в Сарайчике, Астрахани и Казани, в этих трех единственных городах, бывших тогда во всей необъятной степи, развивались зачатки культурной жизни этого дикого пастушеского народа.

Все дышало тут простором и волей, тихо колыбался серебристый ковыль по гладкой, как скатерть, степи, разоделась, разукрасилась ждала к себе дорогих гостей.

Но вот показались они — эти жданные гости, плывут они на ладьях по зеркальной глади Яика, рассекают и пенят веслами его тихие воды, идут от весел круги.

В казачьих кафтанах, в кольчугах, в панцырях, с бердышами и копьями, с сайдаками и с кривыми саблями, медленно они движутся по глади Яика.

И услышали первый раз зеленые берега его русский говор. Пришли давно жданные гости... Занеслись, заблестел жемчужной струей древний Яик, радостно принимая своих новых детей, смотрит, как плывут они на ладьях; как, нахмурив суровые очи, они чутко прислушиваются к каждому звуку, как зорко смотрят они по сторонам в густую прибережную заросль и не сводят своих очей с синей дали, с широкой и зеркальной глади Яика.

И вот гости остановились. Вышли из лодок. Высокие, бородатые, усталые от длинного похода, опершись о пшальи, стали они толпою на его берегу.

— Славное место! И остров большой, и от орды далеко. Для коша места лучше не надо. Говорит один из них.

— Кош так кош, — отвечают другие.

— Эй, не зевай, атаманы молодцы!

Оглянулись, а из кустов, из протока выплыла близко к ним длинная лодка, в ней сидят татары.

— Не робь, братцы! Кричит атаман: проворней — не то уйдут.

И зазвенела тетива лука, ударил кремень по огниву и в первый раз огласились берега Яика громом москов-

ской пищали, в первый раз понеслась московская стрела над его водами, засвистела, загудела она и глубоко впи- лась во вражескую грудь. Убиты враги русской земли, схвачены оставшиеся заживо в плен.

— Вот и языка добыли, — говорят гости, — будет че- рез кого разведать о татарах.

Расположились казаки кошом. Осмотрели они остров, сделали вокруг земляной вал.

— Рыбы много, орда кочует далеко по Яику, зверя и кабана кругом много, — говорили им схваченные плен- ные.

И остались гости зимовать на Яике, чтобы с ранней весной идти на промысел на широкую матушку-Волгу, на сине-море Хвалынское.

Но кто же были эти первые удальцы?

Когда пришли эти отважные и бесстрашные люди на эти зеленые берега, на вольные степи этой далекой и неведомой «запольной реки»?

Увы! История нам этого не говорит. Лишь осталось об этом на Яике одно старинное предание об атамане Гугне и его жене, первой женщине на Яике, бабушке Гугнихе. Это предание записано Рычаковым в ноябре 1748 г. в Яицком городке со слов казачьих старшин.

А. Карпов.

Васильки

Прошло так много, много лет
С тех пор, как Родину свою
Оставила и мочи нет
Мне позабыть страну мою...

Бережат душу мне

Цветочки — васильки...

И на чужбине есть поля
Крытых рожью золотистой,
Где зреет колос ячменя
И пшеницы неказистой.

Напоминают нивы мне

Цветочки — васильки...

Я, помню, маленькой ушла

И в лес колосьев я забралась,

Там васильков и тьму нашла —

Нарвать снопы их собиралась.

Так были любы мне

Цветочки — васильки...

Их синий цвет ласкает глаз.

На Оренбургских казаках —

Их цвет околыша, лампас,

Как лепестки на васильках!

Как стали милы мне

Цветочки — васильки...

Милое, родное детство:

Наш полк в походе много дней,

От жары пустились в бегство —

На корм подножный лошадей!

Казаки рвали мне

Цветочки — васильки...

А Василий лучше пнянки

Весёлой сказкой увлекал,

Тосковал по дочке Таньке

Любил меня и развлекал,

И плёл веночек мне...

Цветочки — васильки...

Тьма ночная, звёзд мерцанье,

Кузнечков треск и храп людей,

Чуть разсвет — ведёр бряцанье,

Нас будит ржанье лошадей.

В росинках были все

Цветочки — васильки...

К лошадам милым я спешу,

Казаки корм им задают,

Улиток с клевера прошу —

Губами кони мне дают!

Но не берут они

Цветочки — васильки...

Сыграли сбор, все на коней,

Казак лихой уж песнь запел,

Вдоль чудных, в золоте, полей

Шел наш отряд и в такт свистел!

Мать улыбалась мне,

Глазочки — васильки...

Любила голос молодца,

Но выделялась из басов

Октава милого отца

На фоне крепких голосов!

И трепетали все

Цветочки — васильки...

Вдоль полей, прорыт овражек,

Росли в овражке васильки...

Стройный, синий, ряд фуражек,

Часто снится... как васильки!

Эх, вель, сродни ты мне

Казаки — васильки!

Людмила Заборская

Дочь есаула 6-го Оренбургского казачьего полка

Кубанские герои

Они вошли, приветливо улыбаясь, стройные, подтянутые, в кубанках, с алыми баблыками за спиной и с германским орлом на груди. У обоих — зеленые орденские ленточки в петлицах.

Это — представители 1-й особой добровольческой горной сотни кубанских казаков, тех самых казаков, которые, храня славные дедовские традиции, не согнули спины под нудо-большевистским ярмом, а с оружием в руках выступили вместе с Германской армией на борьбу за культуру и справедливость.

— Что же вам рассказать? — улыбаются наши гости, — все так обыденно и просто...

День, рождения сотни — 1 ноября 1942 года. В этот день в станице Псебайской сотник П. Ф. Беспалов призвал станичников, испытавших на себе красный террор, свести с большевиками старые счеты. Горячо откликнулись казаки на призыв сотника, и в тот же день формирование сотни было закончено. Казаки пришли со своими конями и снаряжением и принесли с собой оружие и непримиримую ненависть к врагу.

Вскоре сотня получила от Германского командования первый боевой приказ. Темной зимней ночью, в районе Черной Речки, она выступила против крупной и хорошо вооруженной партизанской банды, численностью около 400 человек, засевшей в лесу. После длительного ожесточенного боя партизаны были разбиты, потеряв много убитых и раненых. Казаки захватили 20 пленных с оружием и снаряжением, 8.000 патронов, 6 лошадей и весь продовольственный транспорт. В бою особенно отличился старший урядник Н. С. Кузьминов, отбивший пулемет, захваченный партизанами в начале боя. Германское командование высоко оценило доблесть казаков.

11 января текущего года казаки приняли присягу, поклявшись не складывать оружие до полного разгрома нудо-большевизма. Это уже была крепко спаянная воинская часть, получившая боевой опыт и горевшая желанием вновь скрестить оружие с ненавистным врагом. В конце января этого года началось отходное движение Гер-

манской армии, с которой двигались и казаки. По дороге сотня пополнилась новыми добровольцами, и ее состав возрос до 140 бойцов, прекрасно снаряженных и обеспеченных всем необходимым. Прикрывая отходное движение и ведя арьергардные бои, казаки успешно испытывали силу своего оружия в боях против большевиков.

Между станицами Воронежской и Старокорсунской произошло первое сражение с численно превосходящими частями советской армии, в котором сотня показала, на что способны казаки. Красные были разбиты и обращены в бегство, потеряв около 300 человек убитыми. Красным удалось убить всего лишь одного казака. Издеваясь над мертвым, они проткнули его несколько раз штыками. Казаки отбили у врагов тело храбреца и с почестями предали его земле, поклявшись отомстить за надругательство.

В начале февраля, под Краснодаром, сотня, отходя с последними частями прикрытия, попала в неприятельское окружение. Переглянулись казаки и без слов поняли друг друга: победа или смерть. Крепче сжали в руках свое боевое оружие и лавой обрушились на врага. Не выдержали красные мощного удара, разорвалась цепь окружения, и казаки ушли, не потеряв ни одного человека.

В составе 1-й добровольческой казачьей сотни 36 героев награждены медалью «За храбрость» второй степени. В их числе — сотник П. Ф. Беспалов, всегда появляющийся в самых опасных пунктах боя, Н. С. Кузьминов, вступивший в сотню рядовым казаком и за боевые подвиги произведенный в младшие, а затем и в старшие урядники, подхорунжий И. Ф. Середенко и много других. Особенно храбрость и геройство проявил в боях старший урядник А. М. Усатенко, павший за Родину смертью храбрых под Новороссийском.

— Мы твердо верим, — говорят наши гости, заканчивая беседу, — что настанет день, когда рухнет, наконец, уродливая, насквозь прогнившая, большевистская тюрьма народов, и над нашими родными, свободными станицами засияет солнце новой, счастливой, веселой жизни...

З. Алмазов

Случай на девятой версте

Терские повстанцы, укрепив свою внутреннюю организацию, весной 1921 года образовали по всей Терской области гибкий подвижной фронт. Наибольшую деятельность они развили на берегах Каспийского моря, стремясь отвести удары красных, направленные против Кубани. Армии Буденного удалось отрезать терские отряды от кубанских и разъединить общий фронт борьбы с большевиками. Деятельность казаков ограничилась нападениями на коммунистов и на железнодорожные поезда.

До сих пор живы участники смелого нападения на товарно-пассажирский поезд возле 9-й версты Приамурской ветки.

В летний день 1921 года отряд в 50 вооруженных казаков с одним пулеметом остановил шедший в Прикумск поезд. Казаки, заняв полустанок, захватили телефон и телеграф. Паровоз был отведен от состава. Под видом советского отряда по борьбе с бандитизмом казаки начали обыски в вагонах: они якобы искали бандитов. Все шло спокойно, замешательства и подозрения у пассажиров не было. Командир, именующий себя начальником советского отряда, обратился к пассажирам с призывом:

— Товарищи коммунисты и работники ЧК, помогите нам выйти среди пассажиров скрывающихся бандитов. Наде-

юсь, вы поможете отряду, тем более, что у многих из вас есть оружие.

Из вагонов вышли 26 коммунистов, пожелавших оказать содействие отряду. Приняв их под свое командование, казаки ловким приемом незаметно взяли их в кольцо. Для маскировки у них проверили мандаты. Некоторым даже поручили проверять документы пассажиров. Ничего не подозревая, они охотно выполняли поручения. После обыска в вагонах, казаки ловко отобрали оружие у всех, кто его имел, а затем командир отряда объявил изумленным партизанами, что они арестованы. Пленникам связали руки и тогда только они поняли, что находятся в руках повстанцев.

Пассажирам приказали покинуть вагоны и выйти на площадку полустанка. Здесь был открыт короткий митинг, на котором командир призвал присутствующих вступать в повстанческие отряды. Он даже ставил на голосование некоторые вопросы. Затем поезд двинулся в Прикумск. Попавшие в ловушку коммунисты под конвоем были отведены казаками в их штаб-квартиру, в чащу Обленского леса и здесь расстреляны.

Казнь 26 коммунистов на 9-й версте была одним из эпизодов борьбы с большевиками на Тереке. Л. Хоперский

„Моня-казак“

Моня Карасик в детстве очень любил картинку, на которой был нарисован казак с пикой, огромным чубом и с красными лампасами на штанах. Если ктонибудь из старших его спрашивал — «кем ты, Монечка, хочешь быть, когда вырастешь большой» — он важно отвечал: «Казак».

Солидный дядя Рувим, — резник при синагоге, недовольно говорил:

— Еврей никогда не будет казаком. Учись лучше на провизора.

— Ах, оставь, Рувим, — говорил другой дядька — Дувид, — когда мы сокрушим проклятое самодержавие, у нас еврей будут не только казаками, но и министрами.

«Проклятое самодержавие» при помощи Дувиды и его присных было сокрушено. Еврей стали министрами. На казаком Моне стать пока не пришлось. Казаки были отъявленным контрреволюционным элементом.

Моня пошел по комсомольской линии. За участие в ликвидации «кулацкого саботажа» на Кубани он получил благодарность самого Кагановича, а затем его перевели в Москву. В один прекрасный день Моню пригласили в наркомат обороны. В шикарном кабинете, за прекрасным письменным столом сидел военный с четырьмя ромбами, а сбоку, развалившись в мягком кресле, курил дорогую сигару дядя Дувид.

— Вот вам мой племян Моня, — он еще маленьким пацанчиком всегда говорил: «Я, мамеле, хочу быть казаком».

— Отлично, — улыбнулся военный, — сейчас по ряду соображений мы решили восстановить казачьи части. Знаете, за границей всегда боялись казаков. Если будет война, казачьи части наведут панику на врага. Вы, кажется, хорошо знаете казаков?

— Неплохо, — хихикнул Моня, — я их порядком ликвидировал в 1932 году.

— Мы вас назначаем комиссаром казачьего полка...

... Когда Советский Союз «протянул руку помощи» братскому польскому народу, Монин «казачий полк» героически взял штурмом город Пинск. Двенадцать польских офицеров, его защищавших, были разбиты наголову.

Гремя шпорами, сверкая лампасами и длинным чубом, вошел Моня в самый шикарный пинский ресторан и заказал фаршированную щуку. К нему осторожно подошел старый еврей.

— Ой — вэй, — прошептал он, — так это же настоящий казак, как при старом режиме! Скажите, панове, откуда вы будете, чи с Дону, чи с Тереку?

— С Гомелю! — важно ответил Моня и вдруг, приглядевшись к старику, воскликнул: — дядя Рувим, это же вы! Ну, что теперь вы на меня скажете — хороший казак?..

... Когда началась германская война, оказалось, что быть казаком вовсе не так уж приятно. Под Уманью от мониного полка остался один Моня. Куда девался полк и каким образом он сам очутился уж в городе Иркутске, Моня не мог ничего сказать. В Иркутске он пристроился к теплому интендантскому местечку, надеясь до конца войны спокойно просидеть в тылу. Но судьба решила иначе.

В один прекрасный день получилась бумажка. В ней сообщалось, что за выдающиеся боевые заслуги товарищ Карасик производится в генерал-майоры и назначается командиром казачьей дивизии. Моня вздохнул, нацепил генеральские погоны и поехал отыскивать свою дивизию. Отыскивал он ее долго, т. к. проливать свою кровь не торопился. В одном штабе ему точно указали местоположение дивизии. Моня вздохнул и приказал шоферу ехать в противоположную сторону. Но пьяный шофер сбился с дороги. Целую ночь блуждали они по полям. На рассвете мониная машина оказалась на широком плацу. Там выстроилась, повидимому для парада, большая воинская часть. На солнце сверкали алые башлыки кубанцев, красные лампасы и длинные пики донцов.

— Я таки напоролся на свою дивизию — с грустью подумал Моня и вышел из машины.

— Товарищи казаки! — пропичал он, — привет вам от любимого Сталина. Я ваш новый комдив, генерал-майор Карасик.

— Ты Карасик! — крикнул бородатый офицер. — Это ты, значит, расстрелял моих отца и мать и спалил мою станицу?

— Взять этого контра, — взвизгнул Карасик. — Таким не место в советской казачьей дивизии.

— Дивизия наша казачья, добровольческая, да только не советская, а совсем наоборот, — прогремел чей-то зычный голос.

Карасик побледнел, похолодел и воскликнул:

— Ой, почему я не сделался провизором? *Аспид.*

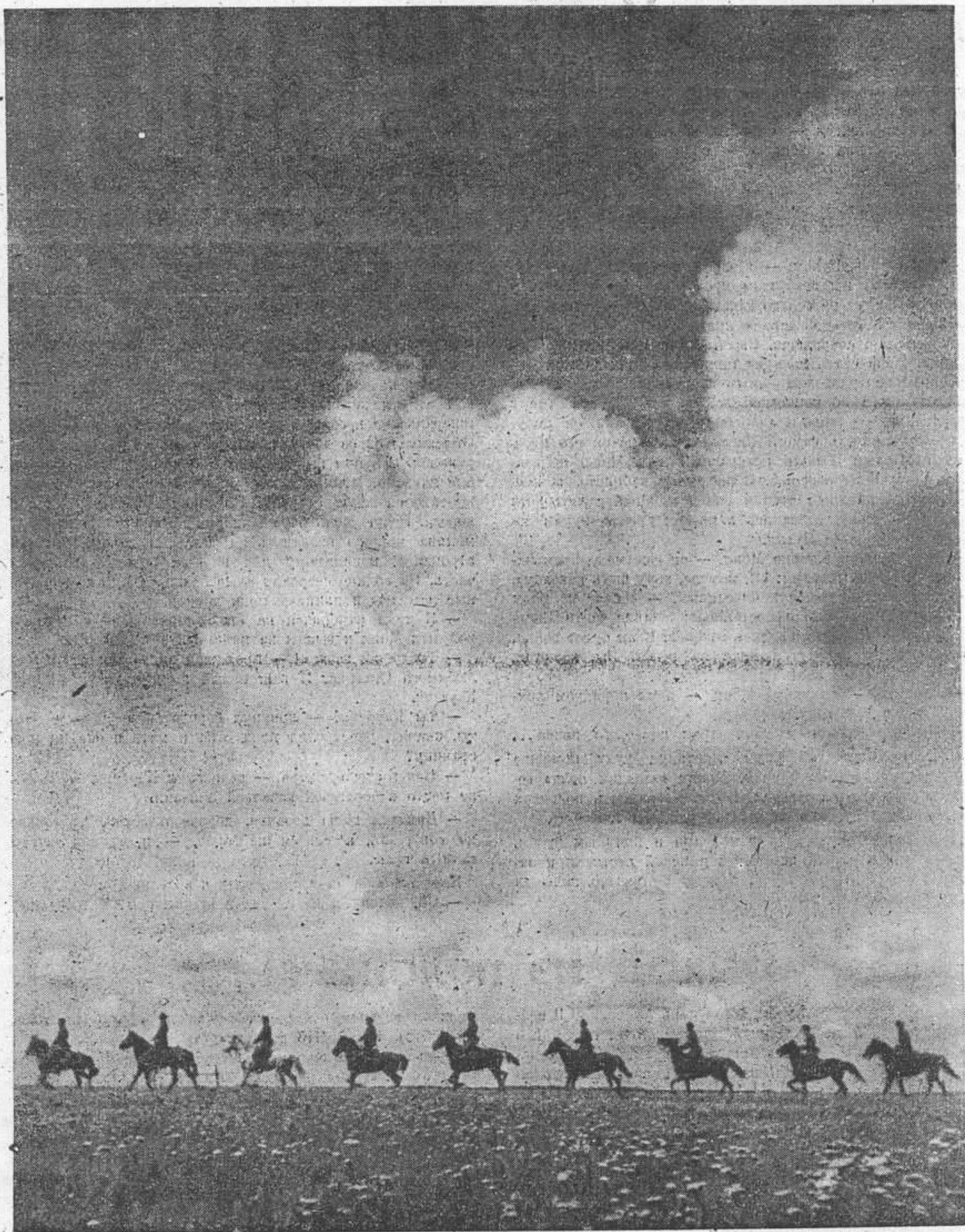
Выход из положения

Это случилось в 1867 году, когда царь Александр II возвращался домой со Всемирной Парижской выставки. Его поезд сильно задержался в Кельне. Чтобы все-таки уменьшить опоздание, предполагавшаяся остановка была сокращена, так что после отбытия экстренного поезда на вокзале остался беспомощно стоять один из казаков царской свиты. Казак не понимал ни по-немецки, ни по-французски, а никто из железнодорожных служащих не говорил по-русски. Замешательство было большое. Наконец решились телефонировать дворцовому управлению в Петербурге: «На

здешнем главном вокзале забыт казак. Точка. Ни денег, ни табака. Точка. Что делать?»

Через некоторое время из Петербурга прибыла ответная телеграмма: «Пошлите казака багажом с принятием издержек за пересылку и табак». Из сложного положения, вызванного этими двумя телеграммами, вышли следующим образом: из Кельна телеграфировали: «Казак отправлен поездом № 119. Точка. С табаком» и из Петербурга: «Казак прибыл в хорошем состоянии. Перевоз оплачен. Точка. Кельнский начальник станции представлен к ордену».

В издании нашего журнала вышла из печати и разослана воинским казачьим частям новая книга П. Н. Краснова, «Исторические очерки Дона», часть I: Всевеликое Войско Донское. Выпуск I: от стародавних времен до сентября 1613 года.

Тронули на Дон с далекой чужбины
Добрые молодцы добрых коней.
Вот они близкие сердцу картины:
Шире просторы и дали вольней.

Пыль только в вихревом взмете клубится,
С песней сливается цокот копыт.
Где ни летай перелетная птица,
Край твой родной тебя всюду пленит.